

Этот поцелуй разительно отличался от прежних, невинных и нежных — в нём ощущался неудержимый пыл и неутихающий накал бушующих страстей. Словно они утешали друг друга, стремясь изгнать из своих ощущений всё окружающее, оставив лишь тепло тел, дыхание и стук сердец друг друга, чтобы полностью слиться воедино. Не имея ни теории, ни практического опыта, они целиком положились на постепенно бравший верх исследовательский пыл, побуждавший их рука об руку исследовать эту совершенно неизведанную территорию.

«Они, как и люди, должны подчиняться инстинкту». В голове Вэнь Суя неожиданно и некстати всплыла фраза, сказанная Си Чжоу очень давно. В тот миг, когда он замешкался, сплетение губ и языков снова настигло его, наказывая за рассеянность. Поцелуй, такой долгий, что лёгкие судорожно сжимались, безжалостно вытягивал остатки воздуха, пока Вэнь Суй, не в силах сдержаться, вдруг не откинул голову.

Там, где его касалась рука Си Чжоу, кожа будто вспыхивала, нервы обострились в несколько раз, и каждое прикосновение отзывалось в теле с невероятной силой. В груди вспыхнула беспричинная паника, и Вэнь Суй невольно выдохнул имя Си Чжоу. Мозоли на его руках, оставшиеся от многолетних занятий стрельбой из лука, словно усугубляли пытку, добавляя к ней новые мучения.

— Си Чжоу... — снова позвал Вэнь Суй. Он, стиснув зубы, до этого упорно не желавший молить о пощаде, теперь вдруг оборвал звук на полуслове, словно от какого-то толчка, и тут же судорожно дважды втянул воздух.

— Я здесь, сяо Суй... — Си Чжоу всё ещё был мягок с ним. Его нежный голос приобрёл непривычную глубину и хрипотцу. Его дыхание скользило по шее Вэнь Суя, но губы не касались кожи.

От голоса Си Чжоу и без того бешено колотившееся сердце Вэнь Суя словно ударило током. Незнакомое, жгучее чувство накрыло его с головой, зрение помутнело. Роскошная люстра над головой превратилась в его глазах в стремительно вращающийся калейдоскоп, который в мгновение ока сменился бескрайним полем, усыпанным цветами. Он оказался посреди него, словно заблудившийся путник, совершенно неспособный найти дорогу.

Си Чжоу слегка прищурился. Его взгляд скользнул поверх вздёрнутого подбородка Вэнь Суя к непрерывно дрожащим ресницам, на кончиках которых, казалось, блестело что-то сверкающее — словно капелька росы, застывшая ранней весной на кончике нежно-зелёного ростка. Си Чжоу невольно захотел чуть приподняться, чтобы поймать эту росинку губами и попробовать

её на вкус. Но не успел он этого сделать, как Вэнь Суй внезапно с силой вцепился ему в плечи, ногтями почти впиваясь в его кожу.

Си Чжоу почувствовал его дрожь и отчаянные попытки сохранить контроль и снова поцеловал. Ногти Вэнь Суя в лунном свете отливали перламутром, кончики пальцев покраснели. Кожа под ними покрылась испариной, пальцы то и дело соскальзывали.

Наконец, не в силах больше сдерживаться, Вэнь Суй опустил голову, крепко обнял Си Чжоу и уткнулся лицом в его слегка влажные волосы. Он позволил ураганному ветру и проливному дождю окутать себя, пока последний оплот его сознания не был вынужден сдаться. В голове внезапно вспыхнул ослепительно-белый свет, подобный разряду тока, его тело вдавили в мягкий диван.

Словно рыба, выброшенная на берег, Вэнь Суй жадно хватал ртом воздух, и губы Си Чжоу приблизились, неся спасение. Поцелуй, лёгкий как пёрышко, был столь нежен и проникновенен, словно Си Чжоу стремился вложить в него всю свою безграничную нежность. Вэнь Суй трепетно наслаждался этим мигом тепла посреди бури, но вдруг почувствовал, как Си Чжоу отстраняется.

Он слегка приоткрыл глаза и взглянул на нависшего над ним Си Чжоу. В знакомых глазах отражалось его собственное лицо, но они казались глубже и опаснее обычного. Затем Си Чжоу медленно снял его руки со своих плеч, поднял над головой и переплел пальцы. Поцелуй переместился к мочке уха — лёгкое прикосновение языка пробудило самый чувствительный нерв, заставив всё тело содрогнуться.

Светло-голубая бархатная обивка дивана, подобно взбаламученной глади весеннего пруда, то собиралась складками, распуская по всей поверхности озёрную рябь, то вновь мягко, словно отдаваясь дуновению ветерка, колыхалась плавной волной.

За окном ночной пейзаж затихшего города постепенно подёргивался туманной дымкой. Вскходило солнце, луна садилась, тьма сменялась рассветом. Эта ночь казалась бесконечно долгой.

Вэнь Суй понял, что снова видит сон. Прежде, во сне, он всегда полностью погружался в происходящее, но на этот раз, неведомо почему, его душа была спокойна и безмятежна. Вероятно, под влиянием дневных суждений Хань Чунвэя, в этом, хоть и осознанном, но бесконечно долгим сне, он, словно просматривая фильм, заново прожил всю свою жизнь в роли генерала.

Дошёл он и до той дождливой ночи, когда за ним охотились. И снова увидел того, кто бросился ради него под стрелу... На этот раз Вэнь Суй наконец ясно разглядел это лицо. И в ярости обрёл силу феникса, возрождающегося из пепла.

Он вскочил на коня. Серебряные доспехи холодно сверкали под завесой дождя. В одиночку на коне он ворвался в окружение из нескольких десятков врагов. Первая стрела пронзила горло воина из авангарда, и, не теряя мощи, насквозь пронзила голову командира.

«Чтобы одолеть разбойников, сперва схвати их командира». Строй врага мгновенно пришёл в смятение. Он выпустил ещё три стрелы подряд, поразив ещё троих людей. Отчаянная контратака, подобная величественной и ослепительной падающей звезде, осветила в глазах всех врагов глубочайший ужас перед смертью. Десять выстрелов — десять смертей.

Когда закончились стрелы, он выхватил клинок из рук вражеского военачальника, высоко подпрыгнул с коня, уклонился от воинов-смертников, ринувшихся в ближний бой, и одним ударом рассёк противника пополам.

Рёв ливня заглушал леденящие душу вопли, тёмный лес обратился в ад на земле. Непрерывающийся дождь снова и снова смывал вражескую кровь и тут же вновь обаграл её всё вокруг. В мгновение ока десятки теней одна за другой рухнули на землю, в образовавшихся лужах текла бесконечная река крови. Одинокая фигура генерала под дождём напоминала божество, обретшее жизнь через смерть.

Сняв тяжёлые доспехи, Вэнь Суй подошёл к своему спасителю. Осторожно подняв того, кто пожертвовал собой, он прижал его к груди, пытаясь теплом своего тела согреть остывающую плоть.

— Приказываю тебе: живи!

Теперь он действительно хотел жить, хотел жить вместе с ним. Отныне он перестал быть просто бездушной тенью, скитающейся без цели. Вэнь Суй испробовал все мыслимые и немыслимые способы, чтобы спасти того умирающего. В пещере он провёл пять самых мучительных дней своей жизни. Каждый раз, когда жизнь того человека висела на волоске, он, словно услышав его зов, снова шёл по шаткому мостику и возвращался, чтобы взять его за руку.

Наконец, однажды, когда Вэнь Суй, измученный до предела, заснул, прикорнув у кучи травы, рука, которую он держал в своей, наконец-то шевельнулась: согнутые кончики пальцев легонько царапнули его по ладони. Тот, кого он буквально вырвал из рук самого Янь-вана, открыл глаза, и на его бледном лице расцвела улыбка:

— Я здесь.

В тот миг Вэнь Суй увидел в его глазах себя. Будучи генералом этого мира, он впервые так отчётливо видел свой собственный облик. Жалкий и измождённый, как одинокий волк, но, тем не менее, его черты — брови и глаза — несомненно, запечатлелись в этих глазах. Его собственное лицо оказалось таким знакомым...

Вэнь Суй словно в одно мгновение что-то понял. Он сжал руку того человека, сдерживая подступающую к глазам горечь и дрожь в груди, и тихо выругался:

— Дурак.

— Ты тоже...

Очнувшись ото сна со счастливым концом, Вэнь Суй, открыв глаза, тут же увидел Си Чжоу. Сквозь шторы едва пробивался свет. Было неясно, который час, но Си Чжоу по-прежнему обнимал его, и они лежали так же, как заснули — сплетённые в нежном единении. Их общая привычка спать спокойно и неподвижно, казалось, превратилась в невидимые узы, которые не давали им разъединиться, как бы крепко они ни спали.

Вэнь Суй, запрокинув голову, разглядывал Си Чжоу. Линия подбородка мужчины была плавной и волевой. При ближайшем рассмотрении можно было заметить крошечную, только что пробившуюся щетину после бритья. При мысли о том, как недавно она колола его кожу, он казался непередаваемо сексуальным.

Как только Вэнь Суй собрался придвинуться ближе, Си Чжоу шевельнулся. Одной рукой он прижал его крепче и, повернув голову, поцеловал Вэнь Суя в переносицу.

— Проснулся? Ещё поспишь?

— Хочу поспать ещё...

Тело было расслабленным и тёплым, ему было невероятно комфортно. Вэнь Суй не хотел так быстро вставать, ему хотелось ещё немного понежиться. Закрыв глаза, он вдруг вспомнил один вопрос. Некто, всегда отличавшийся прямоотой, встретившись с нежным, буквально сочащимся мёдом взглядом Си Чжоу, спросил:

— Мы теперь считаемся слившимися воедино?

Си Чжоу на мгновение замер, выражение его лица стало очень странным.

— Разве нет? — Вэнь Суй нахмурился. Ему-то казалось, что ощущение слияния было очень даже приятным, и сейчас всё тело его было расслаблено и довольно. Однако выражение лица Си Чжоу, похоже, говорило об обратном.

Расчётливый господин Вэнь почувствовал себя так, словно решил потратить большую сумму денег на покупку, а после покупки обнаружил, что продавец его обманул, и товар оказался не тем, что было заявлено, — его просто надули.

Си Чжоу колебался снова и снова, но, подумав о будущем, решил, что такое недоразумение лучше разрешить как можно скорее. Он приблизился к уху Вэнь Суя. После пары фраз малыш, бывший в некоторых вопросах чистым листом, покраснел до корней волос. Именно этот вид пробудил в Си Чжоу желание его подразнить. Он добавил уже обычным голосом:

— Я не был готов, боялся причинить тебе боль, поэтому пока это был лишь символический акт.

— Ты такой лжец!

Вэнь Суй, раздосадованный и до крайности смущённый, перевернулся и придавил грудь Си Чжоу, свирепо глядя на него и замахиваясь ребром ладони, словно собираясь нанести смертельный удар. Си Чжоу отразил атаку, перехватил руку Вэнь Суя и легонько пощекотал его ладонь.

Это едва уловимое прикосновение, похожее на царапанье маленького зверька, словно пробудило смутные воспоминания из сна. Вэнь Суй снова покорно улёгся на грудь Си Чжоу, скрестив руки и положив на них подбородок.

— Мне только что приснился один человек. — Когда он говорил, его подбородок двигался, касаясь груди Си Чжоу. От этого движения Си Чжоу стало немного щекотно, и не только на сердце. Вэнь Суй, словно нарочно, не стал говорить прямо, а продолжал неторопливо рассказывать: — Этот человек спас мне жизнь, и я как раз раздумывал, не отдать ли ему себя в награду, а потом...

— А потом что? — Си Чжоу уже забыл про щекотку, в воздухе повеяло едва уловимой кислинкой ревности.

— А потом, — медленно протянул Вэнь Суй, — потом я проснулся.

Он ожидал какой-то реакции от Си Чжоу, но тот, немного подумав, ничего не ответил. Вэнь Суй уже почувствовал, что это скучно, и соскользнул с груди Си Чжоу, но тот вдруг резко перевернулся и придавил его к кровати:

— Мне кажется, некоторые ритуалы лучше завершить как можно скорее, ты не находишь?

Вэнь Суй, не боясь смерти, посмотрел на Си Чжоу так, словно бросал вызов:

— Так чего же ты ждешь?

Но кто из них победил стало ясно, когда Си Чжоу слегка ущипнул Вэнь Суй за бок и обнял со вздохом безысходности, чтобы они просто уснули под одеялом. Вэнь Суй некоторое время тихо улыбался, потом обнял Си Чжоу за шею и прошептал тому на ухо:

— Мне приснилось, что ты пришёл в мой мир.

Си Чжоу опустил взгляд, в его глазах блеснула радость. Вэнь Суй прижался головой к его плечу и в хорошем настроении принялся пальцем выводить круги у него на груди.

— Ты был прав, настоящая судьба генерала совершенно отличалась от того, что написано в исторических хрониках. Позже он избежал преследования, скрыл своё имя и даже нашёл свою сестру. То место было хоть и глухим, но находилось вдали от придворных распрей, и с тех пор они зажили как чета бессмертных: беззаботно и счастливо.

— Чета бессмертных? — Си Чжоу ухватился за это ключевое словосочетание.

Вэнь Суй тихо рассмеялся:

— Догадайся сам.

Снова проснувшись после короткого сна, он обнаружил, что постель рядом пуста. Обернувшись, он увидел, что Си Чжоу стоит у двери и разговаривает с официантом. Когда он проснулся в первый раз, он не обратил внимания, но сейчас, видя Си Чжоу полностью одетым, он вдруг осознал, в каком виде находится под одеялом...

Вэнь Суй закутался плотнее. Как раз в этот момент Си Чжоу закрыл дверь и подошёл к нему. Вэнь Суй тут же попросил у него одежду. Малыш, укутанный с ног до головы, так что торчала одна лишь макушка с растрёпанными волосами, с явно запоздалым смущением на лице, смотрел круглыми глазками, как хомячок, — это было невероятно мило.

Подавив желание ущипнуть его за щёчку, Си Чжоу тихо кашлянул и достал из сушилки комплект новой одежды, положив его на край кровати. Хотя их отношения теперь были совсем не те, что прежде, он всё же, как истинный джентльмен, удалился в другую комнату.

Вэнь Суй потрогал пылающие щёки. Трудно было поверить, что этот застенчивый человек — тот самый, что совсем недавно был так раскован. Впрочем, неудивительно, ведь разница между состоянием неведения и состоянием осведомлённости довольно велика.

Новая одежда пришлась впору — Си Чжоу заказал её через интернет, и пока Вэнь Суй ещё спал, заранее успел постирать и высушить. Прежняя одежда была в плачевном состоянии и не годилась для носки.

Шторы в комнате раздвинули только сейчас, до этого было почти невозможно различить день и ночь. Телефон давно разрядился. Вэнь Суй, снова подключив его к сети, понял, что проспал почти полные сутки — сейчас уже была вторая половина следующего дня.

Они заказали еду в номер и решили, что лучше вернуться домой пораньше, чтобы не волновать Вэнь Цунцзяня и Лян Шу. Перед возвращением домой Вэнь Суй решил ещё раз сходить к Хань Чунвэю. Он рассказал ему о вчерашнем сне: из-за того, что он наконец ясно увидел человека, спасшего ему жизнь ценой своей, финал истории оказался совершенно иным, чем в исторических хрониках и его прежних воспоминаниях.

— Он — человек из этого, реального мира. И знаете, я только сейчас понял... ещё до того, как я разглядел его лицо, его голос мне тоже показался смутно знакомым. И более того, он сказал мне, что, пришёл, наконец выполнив наше обещание. Профессор Хань, как вы считаете, такое вообще возможно?

Хань Чунвэй, казалось, был несколько удивлён. Он нахмурился, немного подумал и затем дал объяснение:

— По моим предположениям, в своём воображении ты также надеялся на лучший финал для генерала. Но в исторических хрониках не нашлось никого, кто мог бы его спасти, поэтому ты его придумал. Этот человек, возможно, был для тебя неким давно существующим образом, но его неясность объяснялась твоей некоторой неуверенностью в нём. Что же до его слов, совпадающих с твоей договорённостью здесь... это также может быть лишь твоей психологической проекцией.

— Впрочем, твой случай действительно довольно сложный, — Хань Чунвэй покачал головой. — Но ты не раз меня удивлял. Мне кажется, тебе, возможно, и вовсе не понадобится психотерапия, ты сможешь быстро исцелиться самостоятельно.

— Почему? — Вэнь Суй не понял, что тот имел в виду. Сам он не считал, что нуждается в

психотерапии, но никак не ожидал услышать такое от Хань Чунвэя.

Хань Чунвэй улыбнулся:

— Знаешь, почему прежде, чем ты пришел ко мне за подтверждением, я выдвинул ту «гипотезу последнего дня» и попросил тебя найти ответ? Потому что мне нужно было удостовериться, что у тебя всё ещё есть привязанность к этому миру, тот самый ответ, который не позволит тебе опустить руки, который гарантирует, что, узнав правду, ты не уничтожишь и своё нынешнее «я».

— Поэтому тот человек, о котором ты говорил, должен был стать тем стимулом, который побудил тебя захотеть остаться и принять себя. Если бы не он, ты, возможно, просто отказался бы от себя, позволив исчезнуть обоим вашим «я». Это очень страшно — ты мог бы даже навсегда уснуть в собственном самосознании и никогда не пробудиться.

— Именно поэтому я и просил тебя взглянуть в лицо собственным эгоистичным мотивам. Человек без эгоистичных мотивов, по сути, не способен любить себя. А если ты не любишь себя, ты не сможешь по-настоящему принять своё существование. Твоё подсознательное «я» — это тоже ты. Просто ты выдвинул подсознание на передний план, а себя отодвинул назад, желая отказаться от него. Но на самом деле, они оба — это ты, и ни от одного из них нельзя отказываться.

— Теперь, в вашем сне, ты был спасен. Та безликая тень, что была прежде, на самом деле являлась смутным образом твоего собственного стремления к самоспасению. Но он не был достаточно конкретным, чтобы породить в тебе силу преодолеть всё. Теперь же всё иначе: ты по своей воле впустил человека из этого мира в свой мир, а это означает, что твое нынешнее «я» и твое изначальное «я», помимо воспоминаний, достигли более глубокого уровня слияния.

— Когда ты полностью принимаешь своё прошлое, а это то, что в психологии мы считаем признаком завершения терапии, когда ты полностью отождествляешь себя со всем своим существом и окончательно принимаешь его, становясь независимой личностью, — это и есть целостный Вэнь Суй, то есть ты.

Выйдя из кабинета психолога, Вэнь Суй увидел Си Чжоу, ожидавшего его снаружи. Он

подошёл и естественно взял его под руку. В консультационном центре были и другие люди, но он, казалось, совершенно не обращал внимания на их любопытные взгляды. Си Чжоу на мгновение замер — в его взгляде сперва мелькнуло удивление, но оно ушло, и осталось лишь глубокое, искреннее волнение. Он поднял руку и тоже накрыл тыльную сторону ладони Вэнь Суя.

— Мы можем идти домой?

— Тебе не любопытно, о чём я говорил с профессором Ханем?

— Если ты захочешь рассказать, я с удовольствием послушаю.

Вэнь Суй и Си Чжоу вместе вышли на улицу. Был час заката — тёплые оранжевые лучи вечерней зари стелились по серому асфальту, словно обещая надёжный путь вперёд, освещённый нежностью и поддержкой, которые будут длиться вечно, подобно тихому, неиссякаемому ручью.

— Я сказал ему, что мне приснилось, будто кто-то отсюда пришёл в мой мир, — он лукаво подмигнул. — Так что, профессор Хань ошибся. Я не какой-то там вымышленный персонаж, иначе с чего бы кому-то из реального мира захотелось отправиться туда? Да ещё и по договорённости? Разве наши мысли могут быть связаны?

Говоря это, Вэнь Суй подражал тону профессора, и на его лице играла лёгкая самодовольная улыбка. Сейчас он снова сиял как прежде. Си Чжоу не удержался и убрал прядку волос с его виска.

— И что ответил профессор Хань?

— Он, конечно же, снова сказал мне, что у всех явлений есть научное объяснение.

— А как думаешь ты? — Си Чжоу интересовало только мнение Вэнь Суя, остальное было неважно.

Его малыш посмотрел на багровеющее солнце, его щеки заалели в его свете.

— Моё мнение простое: будь то наука или мистика, будь то этот мир или тот, я везде смогу жить хорошо.

Потому что у меня есть свет. Ты — мой свет. Поэтому, в каком бы мире я ни оказался, ты всегда будешь светить для меня. А тот страшный дождливый вечер, бешеная ненависть и кровавый путь сквозь ад, — всё это исчезло, как пепел от костра, унесённый вечным горным ветром. Дорога, что прежде казалась бесконечной, теперь пройдена до конца. И какова бы ни была воля небес или превратности судьбы, отныне это место — исток и конец всего моего жизненного пути.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130142>